

СУББОТИЯ ВСТРЕЧА

Домогоаров
и Искандер

Мы встретились в моем любимом Камергерском переулке. Сели на веранде рестораника у МХАТа, естественно, под прицелом скромных и совсем не скромных взглядов. Только краем глаза глянул меню. "Особо есть не хочу. Выбирай".

— А можно с вами сфотографироваться? — тут же подкатились две нимфетки. — Нет, — отрезал он. — Мы работаем.

Снимок со звездой, похоже, обещал стать основным вечерним блюдом. Во всяком случае, у мхатовской проходной уже выстроилась группа тинейджеров за факсимиле артиста.

— Саня, а ведь ты мог работать у МХАТа. Почему отказался пойти в лучший театр страны, когда в 2000 году тебя звал Табаков?

— Я не отказывался. Подумал, что не надо. Надо знать свое место под солнцем.

— Был бы здесь первым героем-любовником. — Я не хочу быть героем-любовником.

— А кем?

— Я хочу быть Сашей Домогоаровым, который играет все что хочет. Пока во всяком случае.

— Ты когда-нибудь в жизни исповедовался? — Нет.

— А пошел бы?

— Да. В Москве есть по крайней мере две церкви, которые мои. Одна — на Новокузнецкой, где меня крестили, другая — на Воробьевых горах, где венчались мама с отцом. По тем временам было нельзя венчаться, и это было страшной семейной тайной.

— Что останавливает пойти исповедоваться? — Хороший вопрос. Если честно, ничто не останавливает. Страшно, наверное, перейти тот порог, когда себя открываешь. А потом начинаешь говорить, и уже не страшно. Хотя вру, я один раз исповедовался, но не в храме, а священнику, который приходил домой. Я ему много чего сказал. Я не лгал.

— Саш, я, конечно, не исповедник, хотя журналист не далек от этого. Я могу рассчитывать на твою откровенность?

— С Мариной Райкиной говорить правду опасно.

— Спасибо за комплимент. И тем не менее начнем нашу исповедь... Тем более место практически святое — МХАТ. Скажи, каковы твои ощущения по поводу этой цифры — 40 лет?

— С одной стороны, страшно, а с другой, знаешь, такого "а вот нам 40!" — тоже нет. Иллюзий я не испытываю. Я их никогда не испытывал, а сейчас и подавно.

— Иллюзий относительно себя или жизни? — И того и другого. Это прописные истины, что мы притягиваем то, о чем думаем и говорим. И это не иллюзии, что много лет я повторяю: "одиночество", "один". Все равно — 40 лет, а я один. Я один в театре. У меня много друзей, у меня много приятелей, я занимаюсь любимым делом и очень многое ему отдаю (я говорю о театре). Но я — один. Я все равно один.

Пардон? А как же чистота белого цвета в одежде? Рядом с его настроением она просто неуместна и даже нескромна.

— Тебя это тяготит? — Раньше я думал, что человек должен заслужить такое одиночество.

— Как наказание? — Нет, как награду, что ты можешь побыть один, не будешь так привязан к семье, партнерам. Ты можешь так — раз — и уйти в сторону. В гримерочку закрыть дверь. "Моя, и прощу туда никого не входить". Но сейчас я думаю, что, наверное, одиночество — это сложное испытание.

— Извини, Саш, но многие художники говорят так, упиваясь состоянием исключительного одиночества. Но, если честно, не хотелось бы впадать в тоску в такой теплый вечер. Сидим в хорошем ресторане. Жизнь прекрасна, хотя бы на сегодня. Скажи, в 40 лет ты чувствуешь себя зрелым мужчиной, пожимай или, как Карлсон, в расцвете сил?

— Я где-то прочитал, что на Западе только после 40 лет человек может претендовать на президентское кресло. В 40 лет достигнута определенная зрелость, мудрость, так что можешь считать, что я в президентском возрасте.

— Тебе — 40. Ты дом построил? — Отчасти могу сказать, что да.

— Сколько домов? — Я бы сказал, один.

— А может быть, ты, как большинство артистов, человек гостиницы? — Нет, я не человек гостиницы. Раньше я об этом никогда не думал, мне было спокойно и свободно. Нет, говорю неправду: я помню гастроли Театра армии в Хабаровске — Владивостоке на два месяца. Это было зассеркалье. Зассеркалье, когда думаешь, что можешь оторваться на гастрольях. А сейчас даже от метража уехать тяжело. А люблю этот метраж на Малой Грузинской. Там что-то такое, мое.

— А может, вы можете дать автограф? — уже другие так просили, что он не смог отказать: дети все же. Какое-то подозрительное нашествие подростков во взрослый МХАТ.

— Вот такая жизнь — она волнами, — говорит Сашка.

— Сейчас у тебя какая волна? — Какая-то странная. Объяснить не могу.

— А цвет у этой странности есть? — Что-то черное с темно-темно-синим. Не блеск, проблемки есть.

— Только не говори, что это черно-синее подзвучено маршем Шопена.

— От балды говорю, что сразу на ум пришло: Бетховенно. И очень мощно. Знаешь, я могу объяснить все что хочешь, но легче от этого не будет.

— Едем дальше. Дом ты построил. Дерево посадил? — Да, только не знаю, живо ли оно. Я не цветовод. Единственное, что могу, — взять газонокосилку и косить все к такой-то матери.

Александр Домогоаров с актрисой Изабеллой Скорупкой на съемках фильма "Огнем и мечом".

— Это другие вещи, если ты говоришь о деньгах. Я хочу стоить столько, сколько я стою. Я не хочу стоить дешево. И почему кто-то мне будет платить одни деньги, а ты мне будешь говорить: "За счет дружбы, Саня, давай даром..."

— Сколько на сегодня стоит артист Домогоаров? — Это коммерческая тайна. Когда я снимался в "Идиоте", гонорар был не главное. Мы нашли с Владимиром Борто компромисс.

— Ты не считаешь, что это обидная глупость славы: ты на сцене за три копейки выворачиваешь душу, а славу и деньги зарабатываешь на смешных вещах. Только не говори,

ГРАФИНЯ де МОНСОРО

Он появился весь в белом: белоснежные джинсы, чуть теплее цветом белая рубашка и ботинки такой белизны, что, казалось, в них нужно только летать. Он держал в руках большой букет, и кровавые сгустки роз утопали в белоснежных ромашках. Белый цвет как знак открытости и чистоты очень подходил актеру Александру Домогоарову, который стоял на пороге своего 40-летия. Вот как надо встречать юбилей, подумала я, рассматривая этого великолепного героя-любовника отечественного театра и кино. А еще подумала, что он мог бы быть шикарным белым офицером — брестером, кутилой и дамским любимцем.

— Детей родил? — Двоих.

— Ты чувствуешь себя ответственным за них? — Так тебе скажу: я никогда раньше об этом не задумывался. Вроде есть он? Есть. Живет? Живет. Хороший? Хороший. Нуждается? Не нуждается.

Но два годика назад я начал задумываться, когда вдруг понял, что кроме определенных вещей Сашку, младшего, ничего не интересует.

— Его называли в честь тебя? Большая честь. — Это неспециально. Собака вытянула имя. Написали на бумажках несколько, она и вытянула.

— Как ты думаешь, твоя популярность ему мешает жить? — Был один момент. Я взял Сашку на съемки в Ялту. И, когда ко мне подошли взять автограф, спросили и у него. Он расписался. Я говорю: "Ты какое право имел делать это?" Знаешь, я такой реакции не ждал — он ушел, где-то полчас не подходил, потом подошел: "Пап, я был не прав, извини". Не знаю, что в его детской башке повернулось, но он перестал со мной фотографироваться, даже если кто-то просил.

— Ты суров в воспитании? — Это не воспитание, это так, детские игры. Я думаю, что тут всему свое время. Когда мне было 15...

— И ты рос как сорняк в поле? — Не сорняк, но приблизительно. Бандитская школа, оторванный ребенок. Я носил спицу в заплечную в штанах. Район такой был: метро "Академическая", кинотеатр "Салют", кирпичный завод. Шашлык ни из кого не делал на спицу, но вытащить ее мог. Не простая спица, а заточенная, я держал ее в шве джинсов.

— Чего-нибудь еще желаете? — спрашивает официант Домогоарова. Домогоаров спрашивает меня: "Наконец что-нибудь выбрала?" — "Да, стерлядку". Звучит как романс — "плавающую на паре белого вина подикорный сосисом"... Хоть پای. Но заплел тенор-блондин.

— Почему ты пропустил сезон в театре и остался без новой работы? — Пропустил намеренно. Намеренно. Иначе я бы участвовал в том, в чем не надо.

— Ты такой разборчивый? — Ну да. На сцене. Скажи, а что еще мне играть после "Сирано"? Комедию я уже сыграл, драму сыграл, трагедию сыграл — все это в одной пьесе. Поэтому был пропущен сезон, чтобы понять: а что дальше?

— А если бы Гамлета предложили? — Я подумал бы: а надо ли? Было одно предложение, озвученное через Польшу, — "Отелло". И почему бы нет? Были разговоры про "Тень" Шварца, и я знаю, почему это моя роль — там такая вилочка очень серьезная в человеке.

— Как ты относишься к мнению, что у тебя появилось довольно серьезный конкурент — Константин Хабенский из Питера? У него тоже ампула героя-любовника, мужская харизма. Многие находят даже, что вы с ним похожи.

— Первый раз слышу. — Не боись конкуренции? Что на пятки наступят? — Дай бог, что на пятки наступают. Меня настолько иногда злит то, что я вижу на театре, и если говорят: "Хабенский наступает Домогоарову на пятки" — я этому только рад.

— Не врешь? Мы же договорились. — Когда наступит, тогда будем разговаривать.

— Представляю: встретились два секс-символа и... — Посидим, выпьем.

— Скажи, ты когда-нибудь кому-нибудь завидовал? Например, Олегу Меньшикову? — Я не помню такого. Я мог относиться к Олегу с определенным чувством, но это не зависть, это такое уважение.

— А вы поддерживаете отношения, хотя бы как бывшие щепкины? — Мы вот тут встретились дня три назад. Как будто вчера расстались. "Здорово". — "Здорово". — "Как дела?" — "Нормально". — "А ты чего?" — "Я в Лондоне был, поспимался малька. А у вас сегодня "Сирано" внизу?" — "Да. А у вас "Игроки" наверху?" Это, конечно, не отношения...

Я очень уважительно отношусь к Балуеву. Я считаю, что там такое непонятное поле, такое может развернуться, если дадут. А могут и не дать. Не от нас все зависит, Марина. Это не та профессия: и нас выбирают, и нами торгуют, и нами манкируют.

— И это ты говоришь про то, что тобой манкируют? — Это я говорю.

— Не верю. Хотя моя фамилия не Станиславский. Я хорошо знаю, как вы, актеры, можете диктовать условия, как скручиваете режиссеров и при этом любите повторять, что вы как дети.

— Это другие вещи, если ты говоришь о деньгах. Я хочу стоить столько, сколько я стою. Я не хочу стоить дешево. И почему кто-то мне будет платить одни деньги, а ты мне будешь говорить: "За счет дружбы, Саня, давай даром..."

— Сколько на сегодня стоит артист Домогоаров? — Это коммерческая тайна. Когда я снимался в "Идиоте", гонорар был не главное. Мы нашли с Владимиром Борто компромисс.

— Ты не считаешь, что это обидная глупость славы: ты на сцене за три копейки выворачиваешь душу, а славу и деньги зарабатываешь на смешных вещах. Только не говори,

Александр ДОМОГАРОВ:

"Я не стекло, но бить меня не надо"

всех. Поверь, что ни больше пью, чем другие.

— И ты не менее про тебя регулярно ходят слухи, что Домогоаров спивается.

— Я и сейчас, если им верить, это делаю. Как видишь, у меня пиво, потому что завтра съемка.

— Скажи, алкоголь тебе расслабляет? — Путем проб и ошибок я понял, что после выпивки еще хуже воспринимать действительности. Вот сейчас я с удовольствием выпил бы водочки. Но не martini. И не вино — мне кисло. Единственное, ради чего я покупаю вино, — чтобы делать глинтвейн, потому что помню, как отец его делал. Это очень вкусно. А водка привычный по вкусовым ощущениям.

— Ты не любишь, когда тобой руководят женщины? — Не люблю.

— Ты сам принимаешь решения? — Знаешь, я скажу так: я всегда оттягиваю до последнего, потому что, если я буду принимать решения, это будет очень резко: либо да, либо нет. Середины быть не может. То есть я могу долго оттягивать этот момент. Может, это и есть компромисс?

— Руководишь в большом и малом? Я имею в виду не судьбоносные решения типа "женюсь — не женюсь", а так: если я говорю — на футбол, значит, на футбол. А если я говорю — к маме, значит, к маме.

— Наверное, в мелочах. — То есть твоя любимая женщина или жена должны одеваться сообразно твоим представлениям: "Ты купишь себе только кружевной бюстгальтер".

— Вот одеваться — это нет. Не делать какие-то вещи, которые для меня являются принципиальными, — да.

— Поэтому с тобой трудно жить? — Да. Как стерлядка-то.

— Что надо. Тает во рту, а не в руках. За наш столик сел Леся Иванов, бывший сценарист, теперь совсем помешавшийся на поварском искусстве. Рассказал сначала анекдот, а потом удивил так удивил:

— Все лучшие повара в мире, как артисты, — очень нервные люди. Даже истерики и психопаты. Да-да. могут сговоркой запустить, если блюдо, которое они изобрели, пересолит или испортят. А сколько они в помойку отправляют! Я тут книгу читал "Кухня пяти президентов", один француз написал, который для Помпиду еще готовил. Так когда он ходил в помощника, его знатные повара били.

— Саня, да по сравнению с ними ты — ангел. Тем более в белом. Вот что должна усвоить как "Отче наш" женщина, которая захочет провести остаток дней с Александром Домогоаровым?

— Надо со мной прожить какое-то время и понять, что я за человек. Но это не общая фраза.

— Например, она должна терпимо относиться к твоим ночным отсутствиям?

— Мне сложно ответить. Но это элементарные вещи: не ври — прежде всего. Может, это и основа? Всегда тяжело говорить правду.

— А у тебя у самого как с этим правдивым делом на бытовом и философском уровне?

— Я стараюсь. Ты скажешь: где мелкая ложь, там и большая? Я могу что-то недоговаривать, но не врать. Я всегда говорю: я не подарок. Я — тяжелый. Я могу встать не с той ноги. И могу завестись с пол-оборота. Могу вспыхнуть как спичка, но я так же быстро и прогораю. Особенно в отношении

всех. Поверь, что ни больше пью, чем другие.

— И ты не менее про тебя регулярно ходят слухи, что Домогоаров спивается.

— Я и сейчас, если им верить, это делаю. Как видишь, у меня пиво, потому что завтра съемка.

— Скажи, алкоголь тебе расслабляет? — Путем проб и ошибок я понял, что после выпивки еще хуже воспринимать действительности. Вот сейчас я с удовольствием выпил бы водочки. Но не martini. И не вино — мне кисло. Единственное, ради чего я покупаю вино, — чтобы делать глинтвейн, потому что помню, как отец его делал. Это очень вкусно. А водка привычный по вкусовым ощущениям.

— Ты не любишь, когда тобой руководят женщины? — Не люблю.

— Ты сам принимаешь решения? — Знаешь, я скажу так: я всегда оттягиваю до последнего, потому что, если я буду принимать решения, это будет очень резко: либо да, либо нет. Середины быть не может. То есть я могу долго оттягивать этот момент. Может, это и есть компромисс?

— Руководишь в большом и малом? Я имею в виду не судьбоносные решения типа "женюсь — не женюсь", а так: если я говорю — на футбол, значит, на футбол. А если я говорю — к маме, значит, к маме.

— Наверное, в мелочах. — То есть твоя любимая женщина или жена должны одеваться сообразно твоим представлениям: "Ты купишь себе только кружевной бюстгальтер".

— Вот одеваться — это нет. Не делать какие-то вещи, которые для меня являются принципиальными, — да.

— Поэтому с тобой трудно жить? — Да. Как стерлядка-то.

— Что надо. Тает во рту, а не в руках. За наш столик сел Леся Иванов, бывший сценарист, теперь совсем помешавшийся на поварском искусстве. Рассказал сначала анекдот, а потом удивил так удивил:

— Все лучшие повара в мире, как артисты, — очень нервные люди. Даже истерики и психопаты. Да-да. могут сговоркой запустить, если блюдо, которое они изобрели, пересолит или испортят. А сколько они в помойку отправляют! Я тут книгу читал "Кухня пяти президентов", один француз написал, который для Помпиду еще готовил. Так когда он ходил в помощника, его знатные повара били.

— Саня, да по сравнению с ними ты — ангел. Тем более в белом. Вот что должна усвоить как "Отче наш" женщина, которая захочет провести остаток дней с Александром Домогоаровым?

— Надо со мной прожить какое-то время и понять, что я за человек. Но это не общая фраза.

— Например, она должна терпимо относиться к твоим ночным отсутствиям?

— Мне сложно ответить. Но это элементарные вещи: не ври — прежде всего. Может, это и основа? Всегда тяжело говорить правду.

— А у тебя у самого как с этим правдивым делом на бытовом и философском уровне?

— Я стараюсь. Ты скажешь: где мелкая ложь, там и большая? Я могу что-то недоговаривать, но не врать. Я всегда говорю: я не подарок. Я — тяжелый. Я могу встать не с той ноги. И могу завестись с пол-оборота. Могу вспыхнуть как спичка, но я так же быстро и прогораю. Особенно в отношении

близких. А в отношении других... Если не общаться, то для меня значит не общаться.

— Кто на сегодня твои близкие люди? — Таких нет.

— А близкая женщина? — Снимаем вопрос.

— Пауза? Антракт в семейной жизни? — Боюсь, как бы это не было концом спектакля.

— Ты извини, конечно, но Москва в течение двух лет наблюдает этот конец и даже немножко подустала от ваших постоянных разрывов и соединений с актрисой Натальей Громушкиной.

— Я не провоцирую Москву на эти слухи. Во всяком случае, я решения не принял.

Прияный тенор запел на английском про чью-то лав. А я интересуюсь лав-стори Александра Домогоарова. И ничего в ней не понимаю.

— Ты можешь любить кого-то больше, чем себя? Кроме мамы, разумеется.

— Как раз мать я любил меньше, чем себя. Я любил всех больше себя, с кем я жил в определенный период времени.

— Но ты не отрицаешь, что ты ее любил? И этот глагол для тебя в прошедшем или настоящем времени?

— Я пока решения не принял.

— Ты утверждаешь, что из всех своих театральных героев: Никитинского, Макбета, Дюруа — тебе ближе всех носатый поэт Сирано.

— Он тоже не терпит лжи.

— Но ты в отличие от него никогда бы в жизни не позволил себе спровоцировать эту страшную сцену под балконом, когда так запросто соперника отправляешь в объятия к любимой женщине?

— Ты представляешь, какой кайф испытывает артист Домогоаров, который это играет? Насколько я хорошо понимаю, как это страшно? Если вдуматься, что это такое: "Ступай, ступай!" — и встать и смотреть, как соперник "целует губы, целует в них мои слова".

Вытягивает из пачки очередную сигарету.

— Нервничаете? — Да нет...

— Бизнесом бы занялся? — Бизнеса нет. Пока. Но я бы попытался. Надо же что-то оставить на потом. Ну сойдет Домогоаров, и надо же существовать как-то вне актерской профессии.

— Ты платишь в ресторанах или предпочитаешь, чтобы за тебя платили спонсоры? — Я всегда сам плачу, и я не хожу туда, где спонсоры.

— Не ходишь на тусовки. Почему? — Правда, я редко хожу. Последний раз недавно был — неважно где, — и там было очень много популярных актеров. Очень. И я быстро устал. Меня раздражает неправда, откровенная, неприкрытая. Тогда не общаюсь, не ходи, не сиди с человеком и не пей с ним водку. Если я иду, я беру на себя ответственность за человека. Где меня посадят, там я и буду сидеть.

— А это грех — звездная болезнь? Ну как гордыня?

— Если к ней разумно относиться, то нет. Это очень приятно, но налагает столько обязанностей. Я, например, не хотел бы, чтобы сейчас на нас смотрели, но куда не деться. Каждому свое: боготву — боготву, кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево.

— Тебе что? — То, что не бог, — это понятно, но не кесарь и не слесарь. Я есть нечто промежуточное.

— Если у нас исповедь, то скажи, есть ли такая вещь, в которой ты больше всего раскисаешься?

— Я раскисаюсь, что в 40 лет не разучился быть доверчивым.

— Ты хочешь стать циничным и лживым? — Нет. Я не стану таким. Почему получается такой парадокс? Вот играешь "Милого друга" и думаешь: "Блин, вот тебе хрестоматия поведения. Почему мне так легко это делать на сцене и воображать и так сложно это делать в жизни?"

— К вопросу о доверчивости. Может быть, ты просто подозрительный? Вот, например, мне ты доверяешь?

— Отчасти да, отчасти нет.

— Почему? Ведь я же не спрашиваю, какими презервативами ты пользуешься?

— Я не пользуюсь презервативами. Но мы с тобой говорим достаточно откровенно. Поверь, настал такой момент, я понял, что нельзя себя так вести ни в театре, ни на съемочной площадке. Это я к тому, что нужно держать дистанцию. Поверь, я не лгу. Я не стекло, но бить меня не надо. Очень не хочется озлобиться.

— Значит, я рассчитываю на доверие. Признаться, не было случая, чтобы ты использовал женщин в своей артистической карьере? Например, милых редакторш с телевидения, одиночество которых время от времени скрашивают молодым никому не известным актеры, музыканты, которые потом, может быть...

— Нет. Никогда. Я могу покланяться.

— Или мужчин — представителей гомосексуального лобби, очень сильного в искусстве? Тем более что ты красивый парень.

— Не могу сказать, что они меня доставали, но моменты были, намеков предостаточно. А потом, я так устроен, что думаю: все само собой обустраивается, рассосется. Главное, не торопится события и спустить все на тормоза.

— Позволь тебе не поверить. Человек, который обожает гонять на машине, в жизни тормозов не признает.

— Я действительно стал очень резко водить машину. Одну разбил.

— Ты опять бьешь каскадеров в машине работаешь в кино?

— Это в другой картине, ее только запускают, рабочее название "Медовый месяц". Мне интересно самому в машине. В этом есть кайф. А в море я не полезу. Знаешь, когда каскадеры шлем закрывают, говорят: "Ну, с богом. Дай нам бог, Саня, выжить". А когда переворачиваешься в машине, момент отрыва как на американских горках в детстве в ЦПКиО. И опять же гонки по вертикальной стене — ну ничего не бывает из ничего. Это я к тому, что помню, с каким наслаждением ходил в цирк, за кулисы, где Запашный держал зверей. И было очень страшно, но ты подходил как можно ближе к клетке и еще ближе...

— Ты сильно похудел. Специально? — За год сбросил 12 килограммов. Ничего специального, просто был нахлест "Бандитского Петербурга", "Идиота" и работы у режиссера Сергея Снежкина. У этой картины два рабочих названия — "С Новым годом!" и "Стойкий оловянный солдатик". Снежкин... Приезжает на съемочную площадку. "Так, сегодня я буду снимать синий эпизод". Вот мы и думаем, почему синий. А он восемь часов, я не вру, устроивал кидер. Потом делает три, не больше, укрупнения, и все — смена закончилась. Озвучка в сентябре-октябре.

— Что бы ты выбрал: чтобы земля слилась с небом или луна с солнцем?

— Чтобы была волшебная лампа Аладдина.

— Что бы ты попросил у джинна?

— Новое ощущение силы. По первопутку.

— А потом обнагел бы: сценарий из Голливуда и все такое прочее.

— Знаешь, здесь можно лукавить, и если бы вот сейчас я увидел артиста Аль Пачино, то первым бы снял с себя рубашку и сказал: "Распишились".

— Так как насчет голливудского сценария? — Но я же себе отдаю отчет в том, что в 40 лет могу там делать.

— Но Машков что-то же делает.

— Я тоже что-то подделал и в Швеции, и в Германии. А в Голливуде... У нас и здесь неплохо кормят. На данный момент мне хочется серьезной работы. Не лукавлю. Это не "Распутин"